
Русские народные
сказки
иллюстрации
Германа Огородникова

Русские народные сказки

Народное творчество (Фольклор)

Аннотация
Русские народные сказки
Колобок. (в обработке К. Д. Ушинского)
Репка. (в обработке К. Д. Ушинского)
Теремок. (в обработке А. Н. Толстого)
Заюшкина избушка. (в обработке О. И. Капицы)
Волк и козлята. (в обработке А. Н. Толстого)
Лисичка-сестричка и волк. (в обработке А. Н. Афанасьева)
Лиса и дрозд. (в обработке А. Н. Толстого)
Кот и лиса. (в обработке А. Н. Афанасьева)
Гуси-лебеди. (в обработке А. Н. Толстого)
По щучьему веленью. (в обработке А. Н. Толстого)
Зимовье зверей. (в обработке А. Н. Афанасьева)

Аннотация

Прыгнул Колобок с окна на завалинку, с завалинки – на травку, с травки – на дорожку… и покатился по дорожке во чисто поле. Чего он только не повидал в пути… Да и другим сказочным героям скучать не приходится: на ярких и остроумных иллюстрациях Германа Огородникова жизнь так и кипит. За всем не углядишь! Дети с удовольствием будут разглядывать страницы и каждый раз находить всё новые весёлые сюжеты.

Русские народные сказки

© Огородников Г. И., наследники, иллюстрации, 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
«Махаон»®

* * *

Колобок
(в обработке К. Д. Ушинского)

Жили-были старик со старухой. Вот и просит старик:

— Испеки мне, старая, колобок.

— Да из чего испечь-то? Муки нет.

— Эх, старуха! По амбару помети, по сусечкам поскреби — вот и наберётся.

Старуха так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала в колобок, изжарила его в масле и положила на окно простыть.

Надоело колобку лежать, он и покатился с окна на завалинку, с завалинки — на травку, с травки — на дорожку и покатился по дорожке. Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок! Я тебя съем!

— Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешан,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
От тебя, зайца,
Не хитро уйти!

И покатился колобок дальше — только его заяц и видел.

Катится колобок по тропинке в лесу, а навстречу ему серый волк:

— Колобок, колобок, я тебя съем.

— Не ешь меня, серый волк, я тебе песню спою.

И колобок запел:

– Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешан,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,

Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
От тебя, волка,
Не хитро уйти!

Покатился колобок дальше — только его волк и видел.

Катится колобок по лесу, а навстречу ему медведь идёт, хворост ломает, кусты к земле гнёт.

— Колобок, колобок, я тебя съем.

— Ну где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай лучше мою песенку.

Колобок запел, а Миша и уши развесил.

– Я колобок, колобок!
По амбару метён,
По сусечкам скребён,
На сметане мешан,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От тебя, медведь,
Полгоря уйти.

И покатился колобок дальше — медведь только вслед ему посмотрел.

Катится колобок, а навстречу ему лиса:

— Здравствуй, колобок! Какой ты пригоженький, румяненький!

Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку:

– Я колобок, колобок!
По амбару метён,

По сусекам скребён,
На сметане мешан,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От медведя ушёл,
От тебя, лиса,
Не хитро уйти.

А лиса слушает да всё ближе подкрадывается.

— Славная песенка! — сказала она, облизываясь. — Да то беда, голубчик, что я стара стала — плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой ещё разочек.

Колобок обрадовался, что его песенку похвалили, да и запел:

– Я колобок, колобок!..

А лиса его — гам! — и съела.

Репка
(в обработке К. Д. Ушинского)

Посадил дед репку — выросла репка большая-пребольшая. Стал дед репку из земли тащить: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед на помощь бабку. Бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула внучка Жучку. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку:

тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Жучка Машку. Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнула Машка мышку. Мышка за Машку, Машка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку: тянут-потя-

нут — вытащили репку!

Теремок
(в обработке А. Н. Толстого)

Ехал мужик с горшками и потерял один горшок. Прилетела муха-горюха и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

Видит — никого нет. Она залетела в горшок и стала там жить-поживать.

Прилетел комар-пискун и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха. А ты кто?

— Я комар-пискун.

— Ступай ко мне жить.

Вот они стали жить вдвоём.
Прибежала мышка-погрызуха и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун. А ты кто?
— Я мышка-погрызуха.
— Ступай к нам жить.

Стали они жить втроём.
Прискакала лягушка-квакушка и спрашивает:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха. А ты кто?
— Я лягушка-квакушка.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить вчетвером.
Бежит зайчик и спрашивает:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка. А ты кто?
— Я заюнок-кривоног, по горке скок.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить впятером.
Бежала мимо лиса и спрашивает:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок. А ты кто?
— Я лиса — при беседе краса.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить вшестером.

Прибежал волк:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун.

— Я, мышка-погрызуха.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.

— Я, лиса — при беседе краса. А ты кто?

— Я волк-волчище — из-за куста хватыш.

— Ступай к нам жить.

Вот живут они семеро все вместе — и горя мало.

Пришёл медведь и стучится:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун.

— Я, мышка-погрызуха.

— Я, лягушка-квакушка.

— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.

— Я, лиса — при беседе краса.

— Я, волк-волчище — из-за куста хватыш. А ты кто?

— Я вам всем пригнётыш.

Сел медведь на горшок, горшок раздавил и всех зверей распугал.

Заюшкина избушка
(в обработке О. И. Капицы)

Жили-были лиса да заяц. У лисы избушка ледяная, а у зайца — лубяная. Вот лиса и дразнит зайца:

— У меня избушка светлая, а у тебя тёмная! У меня светлая, а у тебя тёмная!

Пришло лето, у лисы избушка растаяла. Лиса и просится к зайцу:

— Пусти меня, заюшка, хоть на дворик к себе!

— Нет, лиска, не пущу: зачем дразнилась?

Стала лиса пуще упрашивать. Заяц и пустил её

к себе на двор.

На другой день лиса опять просится:

— Пусти меня, заюшка, на крылечко.

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Упрашивала, упрашивала лиса. Согласился заяц и пустил лису на крылечко.

На третий день лиса опять просит:

— Пусти меня, заюшка, в избушку.

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просилась, просилась, заяц пустил её и в избушку. Сидит лиса на лавке, а зайчик — на печи.

На четвёртый день опять лиса просит:

— Заинька, заинька, пусти меня на печку к себе!

— Нет, не пущу: зачем дразнилась?

Просила, просила лиса да и выпросила — пустил её заяц и на печку.

Прошёл день, другой — стала лиса зайца из избушки гнать:

— Ступай вон, косой! Не хочу с тобой жить!

Так и выгнала.

Сидит заяц и плачет, горюет, лапками слёзы обтирает. Бегут мимо собаки:

— Тяф-тяф-тяф! О чём, заинька, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, из-

бушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорят собаки. — Мы её выгоним.

— Нет, не выгоните!

— Нет, выгоним!

Подошли к избушке:

— Тяф-тяф-тяф! Пойди, лиса, вон!

А она им с печи:

– Как выскочу
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугались собаки и убежали.

Опять сидит зайчик и плачет. Идёт мимо волк:

— О чём, заинька, плачешь?

— Как же мне, серый волк, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорит волк, — вот я её выгоню.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пришёл волк к избе и завыл страшным голосом:

— Уыыы… уыыы… Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

– Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугался волк и убежал.

Вот заяц опять сидит и плачет.

Идёт старый медведь:

— О чём ты, заинька, плачешь?

— Как же мне, медведушко, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне да меня же и выгнала.

— Не плачь, зайчик, — говорит медведь, — я её выгоню.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали, гнали — не выгнали, серый волк гнал, гнал — не выгнал. И ты не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл медведь к избе и зарычал:

— Рррр… ррр… Ступай, лиса, вон!

А она с печи:

– Как выскочу,
Как выпрыгну —
Пойдут клочки
По заулочкам!

Испугался медведь и ушёл.

Опять сидит заяц и плачет. Идёт петух, несёт косу.

— Ку-ка-реку! Заинька, о чём ты плачешь?

— Как же мне, Петенька, не плакать? Была у меня избушка лубяная, а у лисы — ледяная. Пришла весна, избушка у лисы растаяла. Попросилась лиса ко мне да меня же и выгнала.

— Не горюй, заинька, я тебе лису выгоню.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали, гнали — не выгнали, серый волк гнал, гнал — не выгнал, старый медведь гнал, гнал — не выгнал. А ты и подавно не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Пошёл петух к избушке:

– Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.

Пошла, лиса, с печи!

Услыхала лиса, испугалась и говорит:
— Одеваюсь...
Петух опять:

– Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.
Пошла, лиса, с печи!

А лиса говорит:
— Шубу надеваю…
Петух в третий раз:

– Ку-ка-ре-ку!
Иду на ногах,
В красных сапогах,
Несу косу на плечах:
Хочу лису посечи.
Пошла, лиса, с печи!

Испугалась лиса, соскочила с печи — да бежать. А заюшка с петухом стали жить да поживать.

Волк и козлята
(в обработке А. Н. Толстого)

Жила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелко́вую, пить воду студёную. Как только уйдёт — козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

– Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла – молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,

Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит, напоит и опять уйдёт в лес, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поёт коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

– Вы, детушки!
Вы, козлятушки!
Отопритеся,
Отворитеся,
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытцы водицы!

Козлята ему отвечают:

— Слышим, слышим — да не матушкин это голосок! Наша матушка поёт тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошёл он в кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал. Волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

– Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла – молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-настрого наказала:

— Кто придёт к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберёт всего, что я вам причитываю, — дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять шасть к избушке, постучался и начал причитывать тонюсеньким голосом:

– Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла – молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел. Только один козлёночек схоронился в печке.

Приходит коза; сколько ни звала, ни причитывала — никто ей не отвечает. Видит — дверь отворена, вбежала в избушку — там нет никого. Заглянула в печь и нашла одного козлёночка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку — начала горевать, горько плакать:

– Ох вы, детушки мои, козлятушки!
На что отпиралися-отворялися,
Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдём лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костёр горел. Коза и говорит волку:

— Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлята оттуда выскочили, все живые, да — прыг к матери! И стали они жить-поживать по-прежнему.

Лисичка-сестричка и волк
(в обработке А. Н. Афанасьева)

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везёт домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошёл к лисичке, а она не ворохнётся, лежит себе как мёртвая.

— Вот будет подарок жене! — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

— Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привёз я тебе на шубу!

— Где?

— Там на возу — и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы — и начала ругать мужа:

— Ах ты, такой-сякой! Ты ещё вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе. Приходит к ней серый волк:

— Здравствуй, сестрица!

— Здравствуй, братец!

— Дай мне рыбки!

— Налови сам да и кушай.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала, и велика! Ловись, рыбка, и мала, и велика!» Рыбка к тебе сама на

хвост нацепляется. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошёл на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

— Ловись, рыбка, и мала, и велика! Ловись, рыбка, и мала, и велика!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

— Ясни, ясни на небе, мёрзни, мёрзни, волчий хвост.

— Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

— То я тебе помогаю.

А сама, плутовка, поминутно твердит:

— Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащишь!» — думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя

серого:

— Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

— Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

— Эх, волчику-братику! — говорит лисичка-сестричка. — У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он её и понёс. Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

— Битый небитого везёт, битый небитого везёт!

— Что ты, сестрица, говоришь?

— Я, братец, говорю: «Битый битого везёт».

— Так, сестрица, так!

Лиса и дрозд
(в обработке А. Н. Толстого)

Дрозд на дереве гнёздышко свил, яички снёс и вывел детёнышей. Узнала про это лисица. Прибежала и — тук-тук хвостом по дереву.

Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да мёдом

накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да мёдом — не буду дерева рубить!

— Вот пойдём со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит. Увидел дрозд, что идёт старуха со внучкой, несут корзину пирогов и кувшин мёду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли да и сядет, взлетит да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймаем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймаем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха с внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом. Отвёл их дрозд от пирогов да от мёду. А лисица не зевала: вволю пирогов да мёду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в своё гнездо. А лиса тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя квасом напою.

— Ну, пойдём скорей. Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит — едет мужик, везёт бочку кваса. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До

того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь, а мужик как ударит топором — и вышиб из бочки гвоздь[1]. Сам побежал догонять дрозда.

А квас из бочки на дорогу льётся. Лиса напилась, сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в своё гнездо. Лисица опять тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Повёл дрозд лису в деревню. Видит — старуха корову доит, а рядом старик лапти плетёт. Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

— Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда! — И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула. Вскочила старуха и давай старика ругать. Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в своё гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву:

---

[1] Notes: 1

Гвоздём в данном случае называется деревянная затычка в бочке.

тук-тук-тук!

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?
— Накормил!
— Напоил ты меня?
— Напоил!
— Рассмешил ты меня?
— Рассмешил!
— Теперь напугай меня!
Рассердился дрозд и говорит:
— Закрой глаза, беги за мной!
Полетел дрозд, летит-покрикивает, а лисица бежит за ним — глаз не открывает. Привёл дрозд

лису прямо на охотников.

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак и — наутёк. А собаки — за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спрашивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки лисаньку не съели.

— Ушки, ушки, что вы делали?

— Мы слушали, чтобы собаки лисаньку не скушали.

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы бежали, чтобы собаки лисаньку не поймали.

— А ты, хвостище, что делал?

— Я, хвостище, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

— Нате, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лису за хвост и вытащили её из норы.

Кот и лиса
(в обработке А. Н. Афанасьева)

Жил-был мужик, у него был кот, только такой шкодливый, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понёс в лес. Принёс и бросил его в лесу: пускай пропадает! Кот ходил-ходил и набрёл на избушку, в которой лесник жил. Залез на чердак и полёживает себе, а захочет есть — пойдёт по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак. И горя ему мало!

Вот однажды пошёл кот гулять, а навстречу ему

лиса, увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала».

Поклонилась коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашёл и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть свою и говорит:

— Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром, а зовут меня Котофей Иванович.

— Ах, Котофей Иванович, — говорит лиса, — не знала про тебя, не ведала; ну, пойдём же ко мне в гости.

Кот пошёл к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выспрашивает:

— Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?

— Холост, — говорит кот.

— И я, лисица, девица, возьми меня замуж.

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить, а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк:

— Здравствуй, лисица-девица! Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали.

— Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена.

— За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович?

Я теперь бурмистрова жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нём, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придётся!

Волк побежал за бараном.

Идёт лиса, а навстречу ей медведь:

— Здравствуй, лисица-девица!

— Что ты, косолапый Мишка, я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена.

— За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?

— А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, — за него и вышла.

— Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нём, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принести. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придётся!

Медведь пошёл за быком.

Принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье, смотрит, а медведь быка тащит.

— Здравствуй, брат Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, брат, давно дожидаю.

— Ступай зови.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович! Сам иди,

ты посмелей меня.

— Нет, брат Левон, и я не пойду.

Вдруг, откуда ни взялся, бежит заяц. Медведь как крикнет на него:

— Поди-ка сюда, косой!

Заяц испугался, прибежал.

— Ну что, косой пострел, знаешь, где живёт лисица?

— Знаю, Михайло Иванович!

— Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться быком да бараном.

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть.

А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

— А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь, Михайло Иванович! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю.

Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьём, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идёт ли Котофей с лисою.

Заяц между тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе:

— Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой! Сейчас будем.

Вот идёт кот с лисою. Медведь увидал их и говорит волку:

— Ну, брат Левон Иванович, идёт лиса с мужем; какой же он маленький!

Пришёл кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нём взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурлычет, будто сердится:

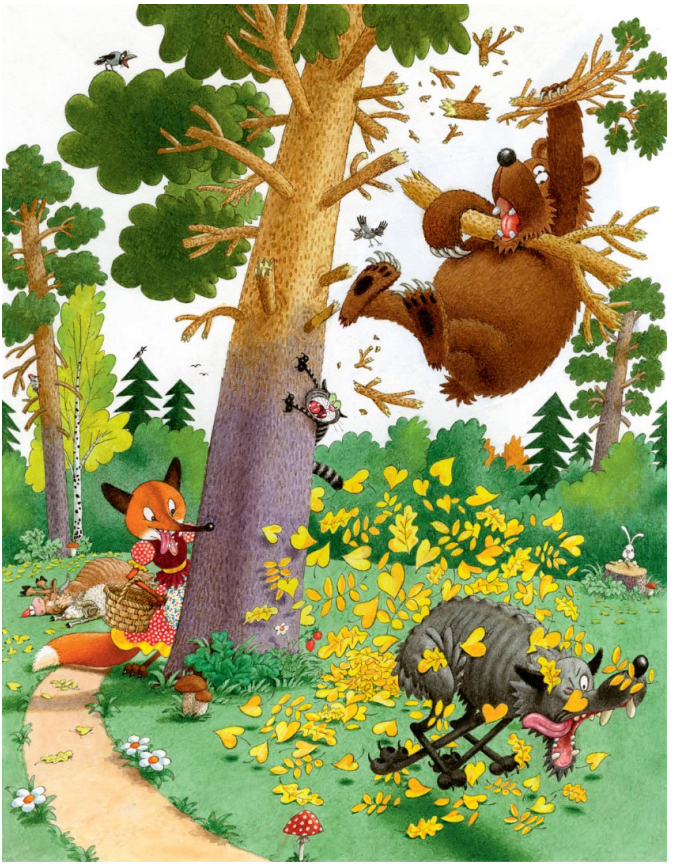
— Мало, мало!

А медведь говорит:

— Не велик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберётся!

Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья. Кот услыхал, что лист шевелится, подумал, что это мышь, да как кинется — и вцепился когтями в волчью морду. Волк вскочил — да бежать! А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел.

«Ну, — думает медведь, — увидал меня!»



Слезать-то некогда, вот он и кинулся с дерева наземь — все печёнки отбил; вскочил — да бежать! А лисица вслед кричит:

— Вот он вам задаст! Погодите!

С той поры все звери стали кота бояться.

А кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

Гуси-лебеди
(в обработке А. Н. Толстого)

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька, — говорила мать, — мы пойдём на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахну-

ла, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся. Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом. Тут она догадалась, что они унесли её братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся…

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся…

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течёт молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-

лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся…

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьих ножках, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая Баба-яга прядёт кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядёт — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А Баба-яга подойдёт к окошку и спрашивает:

— Девица, прядёшь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка…

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

— Гуси-лебеди, летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла её под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня…

— Яблоня, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня её заслонила ветвями, прикрыла листами.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели её, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

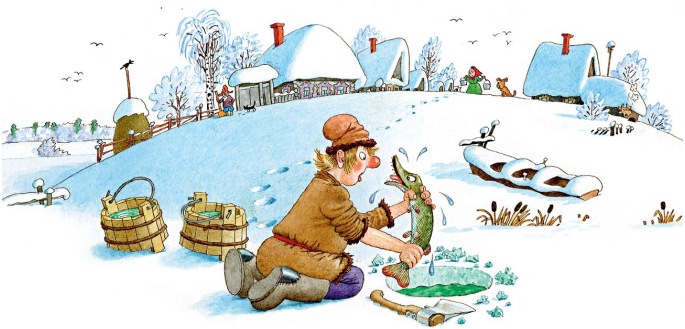
Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем — в печь.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к Бабе-яге.

Девочка сказала печке спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

По щучьему веленью
(в обработке А. Н. Толстого)



Жил-был старик. У него было три сына: двое умных, третий — дурачок Емеля. Те братья работают, а Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз братья уехали на базар, а бабы, невестки, давай посылать его:

— Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

— Неохота…

— Сходи, Емеля, а то братья с базара воротятся,

гостинцев тебе не привезут.

— Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку.

Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь.

И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

— Вот уха будет сладка!

Вдруг щука говорит ему человечьим голосом:

— Емеля, отпусти меня в воду, я тебе пригожусь.

А Емеля смеётся:

— На что ты мне пригодишься? Нет, понесу тебя домой, велю невесткам уху сварить. Будет уха сладка.

Щука взмолилась опять:

— Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.

— Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

— Емеля, Емеля, скажи — чего ты сейчас хочешь?

— Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась…

Щука ему говорит:

— Запомни мои слова: когда что тебе захочется — скажи только:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью.

Емеля и говорит:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью —

ступайте, вёдра, сами домой…

Только сказал — вёдра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается… Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени — невестки говорят ему:

— Емеля, что ты лежишь? Пошёл бы дров нарубил.

— Неохота…

— Не нарубишь дров, братья с базара воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
поди, топор, наколи дров,
а дрова – сами в избу ступайте
и в печь кладитесь…

Топор выскочил из-под лавки — и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло — невестки опять говорят:

— Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

— Да вы-то на что?

— Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

— Мне неохота…

— Ну, не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

— Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

— Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

— Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
ступайте, сани, в лес…

Сани сами поехали в ворота, да так быстро — на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: «Держи его! Лови его!» А он знай сани погоняет. Приехал в лес:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
топор, наруби дровишек посуше,
а вы, дровишки,
сами валитесь в сани,
сами вяжитесь…

Топор начал рубить, колоть сухие дерева, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся.

Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку — такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
поезжайте, сани, домой…

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
ну-ка, дубинка,
обломай им бока...

Дубинка выскочила — и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли — услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним офицера: его найти и привезти во дворец.

Приезжает офицер в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

— Ты — дурак Емеля?

А он с печки:

— А тебе на что?

— Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

— А мне неохота…

Рассердился офицер и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
дубинка, обломай ему бока…

Дубинка выскочила — и давай колотить офицера, насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его офицер не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого на́большего вельможу:

— Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

— Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, — тогда он всё

сделает, что ни попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, чернослива, пряников и говорит:

— Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

— Мне и тут тепло…

— Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, — пожалуйста, поедем.

— А мне неохота…

— Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги. Емеля подумал-подумал:

— Ну ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
ну-ка, печь, поезжай к царю…

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

— Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

— А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

— Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

— А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь — Марья-царевна. Емеля увидал её в окошке и говорит потихоньку:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью —
пускай царская дочь меня полюбит…

И сказал ещё:

– Ступай, печь, домой…

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает.

А у царя во дворце крик да слёзы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж.

Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

— Ступай приведи ко мне Емелю живого или мёртвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа медов сладких да разных закусок, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся и лёг спать.

А вельможа положил его в повозку и повёз к царю. Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и бочку в море бросили.

Долго ли, коротко ли — проснулся Емеля; видит — темно, тесно:

— Где же это я?

А ему отвечают:

— Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

— А ты кто?

— Я — Марья-царевна.

Емеля говорит:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
ветры буйные,
выкатите бочку на сухой берег,
на жёлтый песок…

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

— Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

— А мне неохота…

Тут она стала его ещё пуще просить, он и говорит:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
выстройся каменный дворец
с золотой крышей…

Только он сказал — появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом — зелёный сад: цветы цветут и птицы поют.

Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

— Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

– По щучьему веленью,
По моему хотенью —
стать мне добрым молодцем,
писаным красавцем…

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит — стоит дворец, где раньше ничего не было.

— Это что за невежа без моего дозволения на

моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: «Кто такие?»

Послы побежали, стали под окошком, спрашивают. Емеля им отвечает:

— Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать.

Царь ест, пьёт и не надивится:

— Кто же ты такой, добрый молодец?

— А помнишь дурачка Емелю — как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я — тот самый Емеля. Захочу — всё твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

— Женись на моей дочери, Емелюшка, бери моё царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне и стал править царством.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

Зимовье зверей
(в обработке А. Н. Афанасьева)

Шёл бык лесом, попадается ему навстречу баран.

— Куда, баран, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — говорит баран.

— Пойдём со мною!

Вот пошли вместе, попадается им навстречу свинья.

— Куда, свинья, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает свинья.

— Иди с нами.

Пошли втроём дальше, навстречу им попадается гусь.

— Куда, гусь, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает гусь.

— Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошёл за ними. Идут, а навстречу им петух.

— Куда, петух, идёшь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает петух.

— Иди за нами!

Вот идут они путём-дорогою и разговаривают промеж себя:

— Как же, братцы-товарищи! Время приходит холодное, где тепла искать?

Бык и сказывает:

— Ну, давайте избу строить, а то, чего доброго, и впрямь зимою замёрзнем.

Баран говорит:

— У меня шуба тепла — вишь какая шерсть! Я и так прозимую.

Свинья говорит:

— А по мне, хоть какие морозы — я не боюсь: зароюсь в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

— А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденусь, меня никакой холод не возь-

мёт; я и так прозимую.

Петух говорит:

— А разве у меня нет своих крыльев? И я прозимую. Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живёт в ней.

Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран просится у быка:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!

— А коли не пустишь, то я разбегусь и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит» — и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, не пущу! Ты в землю зароешься и так прозимуешь.

— А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу сворочу.

Делать нечего, надо пустить. Пустил и свинью.

Тут пришли к быку гусь и петух:

— Пусти, брат, к себе погреться.

— Нет, не пущу! У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так прозимуете!

— А не пустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщиплю, тебе же холоднее будет.

— Не пустишь? — говорит петух. — Так я взлечу на чердак и всю землю с потолка сгребу, тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе в избушке. Отогрелся в тепле петух и начал песенки распевать. Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось ей петушиным мясом полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

— Ну, любезные куманьки! Я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, — быка, для тебя, волк, — барана, а для себя — петуха.

— Хорошо, кумушка! — говорят медведь и волк. — Мы твоих услуг никогда не забудем. Пойдём же, приколем да поедим!

Лиса привела их к избушке. Медведь говорит волку:

— Иди ты вперёд!

А волк кричит:

— Нет, ты посильнее меня, иди ты вперёд!

Ладно, пошёл медведь; только что в двери — бык наклонил голову и припёр его рогами к стене. А баран разбежался, да как бацнет медведя в бок и сшиб его с ног. А свинья рвёт и мечет в клочья. А гусь подлетел — глаза щиплет. А петух сидит на брусу и кричит:

— Подайте сюда, подайте сюда!

Волк с лисой услыхали крик да бежать! Вот медведь рвался, рвался, насилу вырвался, догнал волка и рассказывает:

— Ну, что было мне! Этакого страху сродясь не видывал. Только что вошёл я в избу, откуда ни возьмись, баба с ухватом на меня… Так к стене и прижала! Набежало народу пропасть: кто бьёт, кто рвёт, кто шилом в глаза колет. А ещё один на брусу сидел да всё кричал: подайте сюда, подайте сюда! Ну, если б подали к нему, кажись бы, и смерть была!

